

ИСАЙ КУЗНЕЦОВ

ВЕЛИКИЙ МУСОРИЩИК

КИНОРОМАН

CoRpus

Остросюжетный
роман
известного
кинодраматурга

Исай Константинович Кузнецов

Великий Мусорщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69346474

Великий Мусорщик: АСТ: CORPUS; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-155347-0

Аннотация

“Великий Мусорщик” – остросюжетный роман о приключениях “охотника за дьяволом” в маленькой стране под названием Лакуна, где диктатор-мечтатель задумал сделать свой народ счастливым, объявив национальной идеей здоровый образ жизни. И цель вроде бы уже почти достигнута: строятся санитарно-исправительные лагеря, ведется строгий контроль за рождаемостью, вырубаются виноградники (вино – зло), но тут в закрытую для иностранцев Лакуну тайком пробирается молодой француз, исследователь древних верований. Его планы по изучению запрещенного культа дьявола нарушает внезапно вспыхнувшая любовь к дочери диктатора, к тому же на его поиски брошены все силы государственной безопасности. Тем временем поклонники дьявола готовятся к празднованию равноденствия, а дочь диктатора исчезает...

Исай Кузнецов (1916–2010) – прозаик, драматург, автор сценариев к фильмам “Достояние республики”, “Москва – Кассиопея”, “Отроки во Вселенной”, “Пропавшая экспедиция” (в соавторстве с А. Заком), а также “Золотая речка”, “Похищение

«Савойи», романов “Лестницы” и “Все ушли”, книги “Жили-были на войне”, воспоминаний о Зиновии Гердте, Александре Галиче, Давиде Самойлове.

Роман “Великий Мусорщик” публикуется впервые.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	44
Глава восьмая	52
Глава девятая	59
Глава десятая	70
Глава одиннадцатая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Исай Кузнецов

Великий Мусорщик

© Кузнецов И. К., наследники, 2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS®

Глава первая

Диктатор совершал утреннюю прогулку.

Небо с утра было ослепительно синим, и казалось невероятным, что двое суток бушевал ураган. Только выброшенные на берег причудливые коряги, бурые водоросли да мертвые рыбешки напоминали о недавнем буйстве стихии.

Диктатор шел медленно и испытывал чисто детское удовольствие, печатая на мокром песке следы босых ног. В голубых шортах и белоснежной рубашке он шел вдоль берега, наслаждаясь свежестью сентябрьского утра. Диктатор вставал рано, и прогулка по пустынному пляжу была для него началом нового дня, наполненного государственными заботами. Сорок минут он оставался наедине с самим собой. Даже Парваз, его личный телохранитель, не должен был попадаться ему на глаза в течение твердо установленных сорока минут.

Парваз мог не беспокоиться за безопасность Главы Государства: отрезок берега длиной в три километра, примыкающий к резиденции Диктатора, был огорожен с обеих сторон высокой каменной стеной, уходящей далеко в море.

Вилла Диктатора, скромный двухэтажный дом из розового камня с плоской односкатной крышей, построенный по образцу местных крестьянских домов, стоял невдалеке от берега, среди масличных деревьев, за которыми ухаживал сам

Диктатор. Диктатор не признавал роскоши.

Единственная прихоть, которую он себе позволял, состояла в тщательном уходе за пляжем. Берег здесь был усыпан крупной галькой, а Диктатор любил мягкий золотистый песок. Песок доставляли из Шедарских карьеров, шелковистый мельчайший песок, из которого изготавливали знаменитое шедарское стекло, прославленное во всем мире.

Лею Кандару несколько дней назад исполнилось пятьдесят семь лет, но выглядел он самое большее на сорок. Высокая, чуть суховатая фигура, хорошо развитая мускулатура, твердая посадка благородно седеющей головы – всеми этими качествами Лей Кандар был обязан исключительно строгому режиму, разработанному им еще до того, как он сделался Диктатором, режиму, ставшему законом для всех его подданных.

Итак, Диктатор совершал утреннюю прогулку. Считалось, что в течение отведенных для прогулки сорока минут Диктатор предается размышлению о государственных делах. Но Кандар не размышлял о государственных делах. Он вообще ни о чем серьезном не думал. Этого требовала гигиена умственного труда.

Внезапно Кандар остановился. У самого уреза воды песок был слегка примят. Угадывались очертания человеческого тела. С противоположной стороны, оттуда, где стоял дом его дочери Марии, шли следы ее крохотных ножек, а от вмятины полоса взрыхленного песка тянулась к полукруглому зданию

купальни.

Кандар поглядел в сторону моря. Но громоздившиеся у берега причудливые скалы, безмятежно отражавшиеся в зеркальной глади, мало что могли объяснить. Кандар постоял в задумчивости и направился к купальне.

Он распахнул дверь и увидел то, что предполагал увидеть. На мраморном полу купальни лежал человек. Судя по мокрой разодранной одежде – иностранец: на нем были джинсы и бежевый синтетический анорак. В Лакуне джинсов никто не носил, а синтетическая одежда запрещалась законом.

Чужестранец выглядел молодо, лет двадцать семь – двадцать восемь, не больше. Длинные светлые волосы свисали слипшимися космами на загорелое лицо, показавшееся Кандару приятным и мужественным.

Рядом с иностранцем на корточках сидела Мария. Увидев отца, она вскочила и испуганно взглянула на него.

Удивительно похожа на мать, подумал Диктатор, такой же была Лиллиана тогда, в Вене, когда он впервые встретился с ней и ему еще не исполнилось двадцати...

Диктатор не знал никаких слабостей, кроме одной – любви к дочери, любви, ставшей его ахиллесовой пятой.

– Кто он? – спросил Диктатор.

– Не знаю, – ответила Мария.

– Он чужестранец. Как он сюда попал?

– Я нашла его на берегу. Он без сознания.

– Сегодня ночью контрабандистская шхуна пыталась по-

дойти к берегу и разбилась о скалы, – сказал Кандар.

– Он не похож на контрабандиста, – возразила Мария.

Диктатор улыбнулся ее наивности.

– Что с ним будет? – спросила Мария с чуть заметным беспокойством.

Кандар пожал плечами – Мария знала: две недели проверки в санитарно-исправительном лагере, затем выдворение за пределы Лакуны. Однако от Кандара не ускользнуло ее беспокойство.

– Ты знаешь, – сухо ответил Диктатор и вышел из купальни.

Как только он ушел, молодой человек открыл глаза. Мария снова присела возле него.

– Ты – Мария? Дочь Диктатора? – спросил он негромко.

– Да, я Мария, – ответила девушка. – А кто ты?

– Меня зовут Ален.

– Ты контрабандист?

– Нет, – улыбнулся Ален. – Я не контрабандист.

Он смотрел на нее не отрываясь.

– Ты очень красива, дочь Диктатора, – сказал он наконец.

Мария, смутившись, быстро встала.

Она действительно была хороша, хотя и не так красива, как показалось Алену. Обыкновенная лакунская девушка, разве что волосы не черные, а светлые, чуть рыжеватые, да и фигура тоньше, изящней, чем у ее соотечественниц, покрестьянски крепко скроенных. Но было в ней некое очаро-

вание, быть может исчезающее очарование возраста, когда девушка незаметно для себя становится женщиной.

– Сейчас за тобой придут, – сказала она, стараясь скрыть непонятное ей самой волнение.

– Знаю, – ответил Ален спокойно. – Я хорошо знаю ваши порядки.

Он привстал и поморщился от боли.

– Тебе больно? – спросила Мария.

– Похоже, что изрядно побило о камни, – он пощупал колени, – нет, ничего, ноги в порядке.

– Беги! – шепнула Мария.

Ален усмехнулся и поднялся на ноги.

– Не бойся, девочка. Со мной ничего плохого не случится. Мы еще увидимся, – сказал он уверенно и шагнул к выходу.

Но в дверях купальни уже стояли двое плечистых парней в форме сакваларов: белые полотняные рубашки, заправленные в такие же белые бриджи, на шее – автоматы, на левом плече – голубой погон. Ален усмехнулся и поднял руки.

Справка

ЛАКУНА – государство на юге Европы, на берегу Шедарского залива.

Территория 27,6 тыс. кв. км. Население 19,8 млн чел. (1959).

Столица – Лакунара (186 тыс. жителей).

Центральная часть побережья – равнина. Остальная территория занята горами (Гонш – 4129 м, Лога – 3476 м, Сурга – 3167 м). **Климат** субтропический, средиземноморский. Ср. температура: январь 8–9 °С, июль 27–29 °С. Осадки: 1000–2000 мм в год.

Население занято преимущественно в сельском хозяйстве, во многом примитивном. Возделывается главным образом кукуруза, пшеница, рис, хлопчатник, сахарная свекла, оливки.

Горнопастбищное животноводство: овцы – 1,4 млн голов, козы – 0,8 млн. Крупный рогатый скот – 0,4 млн голов.

Промышленность развита слабо: деревообделочная, мыловаренная, керамическая, мелкая металлообрабатывающая. Производство энергии – 0,7 млн квт.

Вся продукция, как сельскохозяйственная, так и промышленная, целиком поступает на внутренний рынок. Исключение – знаменитое шедарское стекло, которое вывозится в Грецию.

Денежная единица – кандар.

Происхождение лакунской народности мало изучено. Есть предположение, что автохтонное население (по некоторым предположениям, этрусского корня) впоследствии смешалось с завоевателями, проникшими через горы двумя последовательными потоками в начале VI и конце IV вв. до Р. Х.

Язык индоевропейский с примесью тюркского и арабского. Отдельные слова, не имеющие аналогов

в известных языковых системах, предположительно этрусского происхождения.

В 148 г. до Р. Х. завоевана Римом. До IV в. входит в состав Римской империи, впоследствии – Византии. Во II в. захвачена арабами (Лакунский халифат). С 1794 г. – самостоятельное государство. До 1935 г. – Лакунская империя, с 1935 г. – Лакунская Имперская Республика. В 1949 г. в стране произошел переворот, осуществленный нынешним Диктатором Лакуны Леем Кандаром.

Л. Кандар – ученый-гигиенист с мировым именем, автор известной книги “Через гигиену – к свободе!”. После почти бескровного переворота 19 января 1949 г. оставил науку и целиком посвятил себя делу преобразования страны.

Власть Л. Кандара – ничем не ограниченная диктатура. Совет при Диктаторе в составе 10 человек пользуется правами совещательного органа. Вооруженные силы – полурегулярная Армия сакваларов под командованием генерала Ф. Гельбиша. Границы Лакуны закрыты. Страна не имеет посольств ни в одной стране, кроме Греции, не имеет представителей ни в Организации Объединенных Наций, ни в ЮНЕСКО, ни в других международных организациях.

Она как бы исчезла с политической карты мира.
Meyers Neues Lexikon. Leipzig, 1971. T. 9. S. 367

Глава вторая

Кандар в голубом спортивном костюме гимнаста принимал у себя в кабинете Фана Гельбиша, которого шутливо называл своим Третьим Плечом – прозвищем, укоренившимся за ним и в народе.

Фан Гельбиш, в прошлом боксер и культурист, был невысок, приземист и обладал столь внушительным торсом, что казался почти квадратным. Небольшая круглая головка росла прямо из массивного туловища без каких бы то ни было признаков шеи. Фан Гельбиш плохо переносил яркий свет и ходил в самозатемняющихся очках.

Когда-то, в дни ранней молодости, Гельбиш, попав на одну из лекций именитого гигиениста, настолько был покорен его идеями, что по-юношески влюбился в этого человека, которого с тех пор называл не иначе как Учителем. С того дня прошло более тридцати лет, но Гельбиш по-прежнему смотрел на Кандара как на личность высшего порядка и, если бы понадобилось, отдал за него жизнь.

Однако, отдавая дань авторитету Учителя в области интеллектуальной, Гельбиш хорошо сознавал свою особую роль в государстве. Второй человек после Диктатора, Министр Порядка и главнокомандующий Армией сакваларов, он почитал своей главной обязанностью и долгом сделать все, чтобы идеи великого Кандара были претворены в жизнь.

Ни для кого не было секретом, что переворот, приведший Кандара к власти, был организован и совершен именно Гельбишем с помощью созданных им отрядов сакваларов.

Помнил об этом и сам Диктатор. Помнил и ценил преданность своего самоотверженного друга.

Сейчас Гельбиш стоял перед Кандаром в белом мундире с голубым погоном на левом плече и докладывал о положении в стране.

Положение в стране было прекрасным. В том смысле, что ничего существенного за истекшие сутки не произошло, за исключением крушения шхуны контрабандистов, разбившейся во время шторма, да задержания чужеземца в купальне Диктатора.

По заведенному обычаю Гельбиш сообщил суточную сводку заболеваний. Из сводки следовало, что количество простудных заболеваний в стране за последний год снизилось настолько, что практически можно считать их ликвидированными. За последние два дня дали скачок заболевания сердечно-сосудистые, но, как известно, этими заболеваниями страдают главным образом старики – следствие нездорового образа жизни при прежнем режиме, тяжелое наследие прошлого. Скачок, конечно, связан со штормом, но благодаря своевременно принятым мерам – ни одного летального исхода. Фан Гельбиш отметил четкую работу Центральной службы профилактики.

С видимым удовольствием, даже с некоторой торжествен-

ностью Гельбиш положил перед Кандаром голубой листок с грифом “Особо секретно” – анализ морской воды в прибрежной зоне Лакуны. Кандар одобрительно кивнул. По данным анализа, морская вода у берегов Лакуны была едва ли не самой чистой на нашей планете.

Это достижение было особой гордостью Фана Гельбиша. Над этой проблемой в обстановке строжайшей секретности работали “его химики”. Его – потому, что работа велась в одном из санитарно-исправительных лагерей, причем людьми, неоднократно преступавшими законы Лакуны, главным образом в том пункте, который категорически запрещал употребление алкогольных напитков, в частности ракуты – кукурузного самогона.

Секретность в данном случае была бы, конечно, не так уж обязательна, если бы не тот прискорбный факт, что открытие радикального способа очищения морской воды было сделано людьми неблагонадежными, а попросту говоря алкоголиками, что вступало в прямое противоречие с идеями Кандара, и особенно с его основополагающей мыслью, что в здоровом теле – здоровый дух.

Сам Кандар не исключал духовной одаренности у больного человека. Но был убежден, что алкоголики, не страдай они этой отвратительной болезнью, были бы значительно трудоспособнее, а их творческая деятельность интенсивнее.

Но он понимал, что искоренить это наследие прошлого можно только со временем, как, впрочем, и некоторые дру-

гие особо стойкие заболевания.

Хуже обстояло дело с Законом о Питании. Сводка за десять дней сообщала об увеличении в последнее время случаев нарушения этого важнейшего закона. Строго установленное меню (в каждом районе особое, с отклонениями для отдельных специальностей) продолжает нарушаться, о чем свидетельствуют до пятисот сигналов, поступивших от населения. Если даже отбросить часть из них, заведомо ложных, то и тогда их количество намного превышает установленную норму (норма – 150). Тем более что, несомненно, есть случаи невыявленные, и, вероятно, не так уж мало. Большинство провинившихся, как правило, объясняют свое преступление приездом гостей, а также временным пребыванием в другом районе. Но параграф 22 Закона о Питании особо оговаривает, что переезд в другой город, даже временный, не освобождает от действия Закона, требующего от граждан Лакуны придерживаться меню, установленного для данного села или города.

Кандар написал на сводке: “Усилить воспитательную работу в организациях «Сана»”. Гельбиш предпочел бы другую резолюцию: “Увеличить число санитарно-исправительных лагерей”. Но промолчал. Их число и так превосходило известное Диктатору. Гельбиш считал, что порядок в стране – его дело.

Что касается инцидента с контрабандистами, то случай этот был делом обычным. Контрабандисты до сих пор оста-

вались одной из главных забот Гельбиша. Морем и даже через неприступные горы в Лакуну просачивались запрещенные товары – сигареты, виски, джин и, что особенно опасно, портативные радиоприемники, магнитофоны и книги. Контрабанду через горы Гельбишу отчасти удалось пресечь. С морскими контрабандистами справиться оказалось труднее. Побережье заминировали магнитными минами, приобретенными через посольство в Греции, но контрабандисты стали пользоваться парусниками, изготовленными целиком из дерева. Однако течение и ветры частенько бросали их на прибрежные скалы, и смельчаки погибали.

Гельбиш перешел к разговору о предстоящем награждении мусорщика Грона Барбука почетным званием Великого Мусорщика. Барбуку исполнялось сегодня шестьдесят лет, из которых пятьдесят он посвятил этой – самой почетной в Лакуне – профессии. Профессия эта сделалась почетной после Революции. Мусорщики стали едва ли не наиболее популярной прослойкой общества – ведь на них лежала ответственность за сохранение в городах и селениях Лакуны чистоты, основы основ Нового Режима, установленного после Революции 19 Января, как принято называть переворот Кандара.

Грон Барбук был самой приметной фигурой среди мусорщиков Лакуны. Его портреты выставлялись на почетных стендах, продавались во всех лавчонках страны. О нем слагли стихи и песни – он был подлинным любимцем простого

народа.

Звание Великого Мусорщика было учреждено именно для него на недавнем заседании Совета при Диктаторе. Был изготовлен специальный нагрудный знак Великого Мусорщика, из чистого золота, размером 6,7 на 7,2 см. На фоне восходящего солнца – урна, напоминающая греческую амфору, и две скрещенные метлы. Метла являлась основным инструментом мусорщика и одновременно символом Чистоты высшего порядка и преданности идеям Лея Кандара.

В знак признания особых заслуг Грона Барбука вручение Почетного знака должно было состояться не в официальной резиденции Диктатора, где, как правило, происходят подобные церемонии, а на площади у дома мусорщика. То, что Диктатор лично, пешком, явится к его дому, чтобы вручить награду, должно подчеркнуть как высоту присвоенного звания, так и глубокое уважение власти к деяниям народного героя.

Поговорив о некоторых подробностях церемонии, они расстались. Гельбиш отдал Диктатору честь, приложив ладонь ребром к козырьку непомерно широкой фуражки, и, щелкнув каблуками, удалился.

Он не стал сообщать Диктатору о том, что задержанный иностранец погиб при попытке к бегству. Бросившись со скалистого берега в море, он разбился о скалы. Гельбиш знал, как болезненно переживает Диктатор известия о чьей бы то ни было смерти, а потому и не счел нужным упоминать

о таком пустячном инциденте.

Кандар, отпустив Гельбиша, прошелся по кабинету и остановился у широкого, во всю стену, окна, выходящего на море. Диктатор любил, чтобы в помещении, где он работает, было много света. Поэтому в трех стенах его кабинета были огромные окна. Да и потолок, частично застекленный, давал возможность Кандару видеть над собой голубое небо Лакуны. Вдоль четвертой стены, по обеим сторонам двери с резными барельефами, изображавшими эпизоды Революции 19 Января, висела шведская стенка и стояли спортивные снаряды. Каждые сорок минут Диктатор прерывал свои труды и занимался гимнастикой. Когда-то он был незаурядным спортсменом.

Море, тихое и гладкое, как и утром, сверкало под лучами уже высоко поднявшегося солнца, Мария в купальном костюме шла к воде. За ней бежал Флак, огромный черный ньюфаундленд, ее любимец. Все как обычно. Можно садиться за работу.

Но что-то мешало Кандару, какая-то неясная тревога, связанная с дочерью...

Мария плыла среди скал, а рядом с ее головкой чернела круглая морда ньюфаундленда. К воде вели следы ее маленьких ножек, а рядом разлапистые – Флака. Кандар понял, что его тревожит. И сразу стало легче.

Он подошел к столу. На листке блокнота, помеченном завтрашним днем, записал: “Мэт”.

Глава третья

Церемония проходила на небольшой квадратной площади возле дома Барбука. Дом героя был украшен национальным знаменем Лакуны – на белом полотнище синий навозный жук, символ самоочищения природы. Перед домом, под специально натянутым навесом, стояла невысокая эстрада с трибуной, украшенная транспарантом с латинским текстом: **MENS SANA IN CORPORE SANO!**

Площадь была заполнена народом. Впереди в две шеренги стояли юноши и девушки в разноцветных спортивных костюмах, позади – празднично разодетые счастливицы, получившие право присутствовать при награждении. Список допущенных на площадь составлялся лично Фаном Гельбишем. Это были самые достойные и надежные граждане Лакуны.

В назначенный час, ровно в полдень, высокий чистый голос трубы возвестил начало церемонии. Под звуки национального гимна на площадь вступил отряд сакваларов. За сакваралами шел сам Диктатор. В двух шагах позади – Третье Плечо, а за ним члены Совета при Диктаторе.

– Сана! Сана! – загремела площадь, и Диктатор сделал приветственный жест рукой.

На эстраду он поднялся вместе с виновником торжества. Грон Барбук заметно волновался. Коренастый, широкопле-

чий, с густыми мохнатыми бровями, широким лицом, изрытым оспой, он воплощал наиболее распространенный на севере тип крестьянина. От волнения у него на лбу, изъеденном морщинами, проступили капельки пота.

Диктатор дружески протянул ему руку. Барбук неуверенно подал свою. Диктатор крепко пожал ее, и снова площадь огласилась приветственными криками. Все ощущали торжественность и символичность этого рукопожатия Власти и Народа, знак их нерушимого единства.

Кандар взял в руки маленькую коробочку и мельком взглянул на дочь, стоявшую у края эстрады. Выражение ее лица не понравилось Кандару. Оно не соответствовало моменту: на ее лице не было и тени той радостно-умиленной улыбки, которая сияла на лицах присутствующих.

Снова промелькнула тревожная мысль, не оставлявшая его утром. Но Диктатор умел скрывать свои чувства, и никто не заметил некоторой медлительности, с которой он раскрыл коробочку. Блеснул на солнце веселым зайчиком золотой Почетный знак, и площадь замерла.

Лей Кандар прикрепил его к груди Грона Барбука, отныне – Великого Мусорщика Лакуны. На глазах у героя выступили слезы. Восторженно и преданно смотрел он на человека, которому был обязан самоуважением, появившимся у него после Революции, почетом, окружающим его имя, и этой минутой небывалого счастья, когда сам Диктатор, пешком, пришел вручить ему награду.

Фан Гельбиш, стоявший рядом с Диктатором, смотрел на лица зрителей. Он был доволен. Лица выражали именно то, что должны были выражать: радость и даже восторг от сознания своего участия в столь знаменательной, можно сказать, исторической церемонии, своей сопричастности великому событию.

Внезапно взгляд Гельбиша наткнулся на лицо, которое показалось ему незнакомым. Незнакомец улыбался, но в его улыбке было больше иронии, чем восторга, и совсем не было умиления. Гельбиш хотел разглядеть его, но мешали самозатемняющиеся очки. Снять их – значило сделать движение, нарушающее торжественность церемонии. К тому же он неожиданно потерял мелькнувшее лицо и не мог снова найти его.

“Кто бы это мог быть?” – подумал Гельбиш и решил внимательно проглядеть списки допущенных на площадь.

Но тут он услышал голос Диктатора и понял, что пропустил начало торжественной речи.

– Идея, лишённая действия, мертва! – говорил Лей Кандар. – Она мертва, если люди, которым она служит, не служат ей. Идея, священная идея чистоты тела и духа, если мы отдаемся ей честно и беззаветно, возвышает нас. И чем беззаветнее мы ей служим, тем выше и чище становимся сами. Я склоняю голову перед человеком, который воплощает идеал служения Идее, перед Гроном Барбуком, Великим Мусорщиком Лакуны! Менс сана ин корпоре сано!

– Сана! Сана! – грянула площадь.

Заиграл оркестр, и все запели песню “Наш великий Лей Кандар”.

Барбук украдкой взглянул на жену, стоявшую рядом с Гельбишем, – она не решалась вытереть счастливые слезы, стекавшие по ее лицу, – на внучку, улыбающуюся легкой, почти бессознательной улыбкой, и почувствовал, что счастлив.

Две юные спортсменки подбежали к эстраде и протянули Диктатору и Барбуку огромные букеты белых роз.

– Сана! Сана! Сана! – гремела площадь.

Мария смотрела на ликующую толпу, и вдруг то самое лицо, которое смутило покой Гельбиша, попало в поле ее зрения. Молодой человек в форме саквалара, с голубым погоном на плече, показался ей знакомым. Он улыбался. Но теперь совсем не так, как в тот момент, когда его заметил Третье Плечо. Молодой саквалар улыбался ей, Марии. И она узнала его. Узнала и тоже невольно улыбнулась.

Справка

Слово “саквалар” восходит к имени легендарного героя, сражавшегося против римлян и носившего имя Саквалар, хотя исторические источники не подтверждают его существование.

В середине XVII в. сакваларами называли себя лакунские разбойники, грабившие на дорогах богатых

купцов и совершавшие набеги на усадьбы помещиков. Среди сакваларов было заведено правило: третья часть награбленного раздавалась беднякам. Поэтому само слово “саквалар” осталось в памяти народа символом смелости и благородства.

О сакваларах слагались песни и легенды, составляющие значительную часть лакунского фольклора. Среди этих легенд особенной популярностью пользуется сказание о сакваларе Торвазе и крестьянской девушке Лане, об их любви и трагической гибели на виселице.

Популярность сакваларов подсказала Фану Гельбишу мысль использовать это наименование для созданных им отрядов, осуществивших Революцию 19 Января. Впоследствии оно было сохранено для солдат и офицеров Лакунской полурегулярной армии.

Армия сакваларов насчитывает до 15 000 человек в регулярных частях и до 30 000 в так называемых добровольных дружинах. Регулярная армия состоит из пятнадцати отрядов-гардов, по тысяче человек в каждом, во главе которых стоят гарданы. Каждый гард делится на 10 подразделений, или каргов, которыми командуют карганы.

Саквалары являются, по существу, не только армией, но и одновременно полицией и жандармерией. Это обстоятельство делает главнокомандующего Армией сакваларов Фана Гельбиша самым могущественным человеком в стране, первым лицом после Диктатора Лея

Кандара.

Ганс-Фридрих Штейнер. Неизвестная Лакуна. Шпигель, 1962,

№ 4

Глава четвертая

Фан Гельбиш рассматривал снимки, сделанные во время церемонии. Он разглядывал их через большую, очень сильную лупу, но безрезультатно. Того, чья глумливая улыбка мелькнула на какое-то мгновение в толпе, он не находил. Лица он, правда, не запомнил, но не сомневался, что узнает его среди тысячи присутствовавших на площади. Узнает по этой иронической, вызывающей улыбке.

Однако все лица, увеличенные, деформированные по краям лупой, были хорошо ему знакомы. Он мог назвать каждого по имени, о каждом ему было известно все, вплоть до родинок на самых потаенных местах тела.

Гельбиш раздраженно отбрасывал одну фотографию за другой. Неужели ему показалось и лицо, замеченное им, было всего лишь отражением его собственной подозрительности? Нет, Фан Гельбиш не сомневался, что этот тип отнюдь не плод его воображения. Он швырнул лупу на стол и прошелся по кабинету, украшенному портретом Кандара в полный рост.

Кабинет Гельбиша, как и все кабинеты ближайших сотрудников Диктатора, был оборудован шведской стенкой и спортивными снарядами. Гельбиш подошел к столику, на котором лежали боксерские перчатки, надел их, приблизился к тренировочной груше, сделал несколько ударов и задумался.

Он вдруг вспомнил о чужестранце, выброшенном морем возле купальни Кандара. Человек, рискнувший броситься с огромной высоты в море, достаточно смел и наверняка рассчитывал на спасение. Впрочем, ему все равно деваться некуда. Если он не погиб, разбившись о камни, то самое большее через сутки снова окажется в его руках. Такое случилось и прежде.

Но допустить мысль, что бежавший окажется на площади, Гельбиш не мог. Для этого надо обладать сверхъестественной наглостью. Кроме того, пройти на площадь было не только рискованно, но и практически невозможно.

Гельбиш с силой ударил по груше и сбросил перчатки.

Невозможно... И тем не менее на площади присутствовал неизвестный ему человек. Он снова вернулся к столу и взял лупу. И вдруг в задней шеренге сакваларов увидел ЕГО. Гельбиш всматривался, все еще сомневаясь, что лицо – то самое. Оно показалось знакомым. Где-то, когда-то он его видел. Гельбиш обладал феноменальной памятью на лица и не мог ошибиться.

Прежде всего следовало вызвать Анта Маркута, первого заместителя Министра Порядка, отвечавшего за церемонию, выяснить, как среди отборных сакваларов оказался чужой. Но Фан Гельбиш не любил задавать вопросы, на которые у него самого не было ответов. Третье Плечо должен знать все. Вопросы задаются, чтобы проверить честность и искренность подчиненного, его отношение к случившемуся,

и меньше всего для того, чтобы узнать истину. Истина должна быть известна только Диктатору и ему, Гельбишу. Он никогда не спрашивал о том, чего сам не знал.

Он нажал кнопку селектора и распорядился, чтобы ему прислали картотеку задержанных за последние пять лет чужестранцев.

Картотека была не слишком обширна, и через каких-нибудь полчаса Гельбиш держал в руках карточку, с которой на него смотрело то самое лицо, которое он увидел среди сакваларов: Жан-Клод Пулло, бельгиец, Брюссель, 27 лет, рост 179 см, вес 70 кг. Профессия неизвестна. Особые приметы – родинка 3×4 мм на левом плече. Владеет лакунским языком вполне свободно.

Фан Гельбиш задумчиво повертел карточку. Как правило, чужеземцы, прошедшие через санитарно-исправительный лагерь, никогда не возвращались в Лакуну. Это второй случай. Первый произошел пятнадцать лет назад, когда работа санитарно-исправительных лагерей не была достаточно хорошо налажена. С тех пор ничего подобного не случилось.

Однако картотека не давала ответа на главный вопрос: как и с какой целью пресловутый Жан-Клод вторично проник в страну и появился на площади, да еще переодетый сакваларом.

Гельбиш опять нажал кнопку селектора и приказал Маркуту немедленно явиться к нему. Снова взглянув на карточку, он заметил в правом нижнем углу пометку, которая ука-

зывала на то, что, возможно, имя задержанного не подлинное, так как документов при нем не обнаружено. Но Гельбиша интересовало не имя. Гораздо важнее понять, каким образом среди специально отобранных сакваларов оказался чужестранец. Допустить на церемонию не просто непроверенного, а вообще никому не ведомого молодчика – преступление неслыханное, непостижимое.

Ант Маркут, широкоплечий великан, самый надежный человек Гельбиша, его помощник в создании первых отрядов сакваларов, один из главных участников Революции 19 Января, первым ворвался во дворец и арестовал тогдашнего президента Ларра. За всю свою долгую службу он не имел ни одного нарекания и был награжден шестнадцатью орденами Сана первой степени. Только сам Гельбиш обладал большим количеством – у него их было двадцать восемь.

Когда Маркуту передали приказ Гельбиша, он не удивился. Он ждал вызова. Но если бы Гельбиш, вопреки своему обычаю, стал задавать вопросы, Ант Маркут не смог бы на них ответить.

Появление в рядах сакваларов неизвестного было замечено им, когда удалить его было уже невозможно. Маркут был слишком дисциплинированным служакой, чтобы осмелиться нарушить торжественность церемонии. Мокрый как мышь, он почти терял сознание, ожидая от чужака чего-то ужасного. К счастью, незнакомый саквалар вел себя подобающим образом и выглядел достаточно браво. Решив, что раз-

берется после окончания церемонии, Маркут слегка успокоился.

Но когда Лей Кандар сошел с трибуны под крики “Сана!”, Маркут обнаружил, что подозрительный саквалар исчез. Более того, когда он, выстроив сакваларов, попытался выяснить, откуда тот взялся, оказалось, что его никто не видел. Саквалары строго выполняли устав: в присутствии Диктатора поедать его глазами. Никто не мог сказать, где и рядом с кем он стоял на площади. Ант Маркут снова покрылся холодным потом. Он даже подумал, что стал жертвой галлюцинации.

Маркут предстал перед Гельбишем, большой, слишком большой в сравнении с приземистым главнокомандующим, и хотел только одного: стать как можно меньше, а лучше просто исчезнуть, провалиться сквозь землю.

Третье Плечо молчал. Молчал и Маркут.

– Я жду объяснений, – сказал наконец Гельбиш.

Маркут опустил свою рыжую шевелюру и заговорил, не глядя на главнокомандующего. То, что он говорил, было дико и неправдоподобно, но Гельбиш слишком хорошо знал своего Маркута, чтобы допустить мысль, что тот лжет.

– Галлюцинация? – хмуро усмехнулся Гельбиш. – Нет, Ант, это не галлюцинация... Даю тебе двое суток, чтобы найти этого человека. – Он показал ему фотографию. – Иди, ты свободен.

Маркут ожидал наказания. Наказания не последовало. И

это было так неожиданно, что он не сразу понял, что может уйти. Он растерянно отдал честь, повернулся и вышел.

Гельбиш отпустил Маркута, не дав воли своему гневу, – не хотел, чтобы Маркут знал, что он придает слишком большое значение случившемуся. Он снова взглянул на карточку с изображением того, кто называл себя Жан-Клодом Пулло. Взгляд умных, чуть прищуренных глаз вызвал в могущественном Министре Порядка безотчетную тревогу: бельгиец смотрел на Гельбиша с затаенной усмешкой, будто знал что-то, чего не знал сам Гельбиш и чего следовало опасаться.

“Кто он? – подумал Гельбиш. – Что ему нужно здесь? Контрабандист? Нет, тут что-то другое... Но что?”

Глава пятая

Грон Барбук стоял у окна и смотрел, как рабочие разбирают помост, на котором утром ему вручали Почетный знак Великого Мусорщика. На нем все еще был белый парадный мундир, и на лацкане поблескивал золотой знак, прикрепленный рукой Диктатора. Гости, толпившиеся в доме весь день, разошлись, и он слышал, как поскрипывали половицы у него за спиной: жена убирала со стола остатки угощения.

Рабочие погрузили доски от помоста на длинную нескладную телегу и уехали. Младшие мусорщики подметали и без того чистую площадь. Они работали молча, сосредоточенно, быть может догадываясь, что сам Грон Барбук наблюдает за ними.

Только теперь, оставшись один, Барбук задумался о значении сегодняшнего торжества. Он привык к славе и относился к ней спокойно, с достоинством. Слава не сделала его ни заносчивым, ни надменным. И если поначалу она беспокоила его, то теперь песни, портреты в лавках, люди, узнающие его на улице, – все стало привычным.

Конечно, он не мог не гордиться тем, что окружен таким почетом, но первое время со свойственной ему крестьянской трезвостью полагал, что стал объектом громкой славы случайно. Он знал среди своих товарищей по профессии людей не менее достойных. Однако чем больше он думал о своей

судьбе, тем чаще находил в себе достоинства, делавшие его особое положение не случайным, а безусловно заслуженным.

По тому, как люди, всеми уважаемые, сосредоточенно слушали его медлительную простонародную речь, как внимали его словам, простым и немудрящим, он все больше убеждался в своей значительности. Очевидно, есть нечто, что отличает его, Грона Барбука, от таких же, как он, – и все-таки не таких.

Сегодня Лей Кандар почтил его высшей наградой, званием, ставившим его в один ряд с самыми именитыми людьми Новой Лакуны. В определенном смысле даже выше их. Он стал – так сказал Диктатор – символом Идеи, ее Живым Воплощением.

Его вдруг охватил страх: выше его теперь только сам Диктатор. Сознание такой немислимой высоты испугало его, и он, человек неверующий, неожиданно для себя перекрестился.

В этот момент он увидел Лану. Лана вышла из дома и пересекла теперь уже совершенно пустую площадь. Сердце его сжалось: шестнадцатилетняя Лана, его единственная внучка, одна из красивейших девушек столицы, была обречена на безбрачие. Она, конечно, ничего об этом не знает, но ему, Барбуку, известно, что у нее никогда не будет, не должно быть детей. Он старался не думать об этом, но всякий раз, когда лицо внучки освещала доверчивая, почти детская улыбка, старик чувствовал, как сердце его сжимается.

Полтора года назад он сам лично явился в ЕКЛ, чтобы убедиться в том, что произошла ошибка и розовая бумажка с упоминанием параграфа 37 не имеет никакого отношения к его внучке – недосмотр, описка...

Его принял сам генеральный директор, знаменитый доктор Корд. Личность доктора Корда была окружена ореолом таинственности и уважения, смешанных со страхом. После Лея Кандара и Фана Гельбиша доктор Корд был едва ли не самой значительной фигурой в стране. Однако его известность имела особый характер. Его имя произносили, понижая голос и оглядываясь по сторонам, а девушки испуганно вздрагивали. От него зависело, станет ли девушка когда-нибудь матерью или навсегда останется бездетной.

На самом же деле все обстояло не совсем так. От Корда ничего не зависело, и в решениях ЕКЛ – Евгенического комитета Лакуны – не было никакой предвзятости.

Под действие зловещего тридцать седьмого параграфа попадали те, чьи наследственные или приобретенные особенности организма лишали их возможности иметь здоровое, полноценное потомство.

Здесь, в высоком светлом здании ЕКЛ, в просторных, ослепительно чистых кабинетах с новейшей, доставленной из-за границы аппаратурой, судьбу молодых людей решали не чиновники с их симпатиями и антипатиями, а строжайшее, беспристрастное медицинское обследование, анализы и рентгенограммы. Все действия работников ЕКЛ строго

регламентировались специальным положением, разработанным лично Кандаром, и нарушение любого из его пунктов, даже малейшее, даже случайное, каралось по всей строгости законов Лакуны.

Ошибки быть не могло, и все-таки Барбук пришел в ЕКЛ и был принят лично доктором Кордом в присутствии его первого заместителя, доктора Мэта Червиша.

Высокий, совершенно лысый, с густыми, сросшимися на переносице бровями, резко выделявшимися на чисто выбритом лице, доктор Корд поднялся из-за стола и сочувственно пожал руку знаменитому мусорщику. Усадив его в кресло, он попросил Мэта принести медицинскую карту Ланы. Он не проронил ни единого слова, пока Мэт не положил на стол результаты медицинского обследования девушки.

В извещениях, отпечатанных на розовых бумажках определенного образца, которые вручались родителям обследованного, не называлась причина, вызвавшая применение параграфа тридцать семь. Объяснения давались в справочном отделе ЕКЛ. Для Барбука делалось исключение: его принял сам доктор Корд. Генеральный директор полистал бумаги и протянул одну из них Барбуку. На ней, в самом низу, подчеркнутое красным карандашом, стояло слово “гемофилия”.

– У вас не было сыновей? – спросил Корд.

– Нет, у меня только дочь, – ответил Барбук.

– Ваше счастье.

И Корд в немногих словах объяснил характер этого забо-

левания, которым страдают только мужчины, но которое передается исключительно по женской линии.

Мэт сочувственно смотрел на мусорщика. Барбук встал, молча кивнул и вышел.

Сейчас, глядя вслед внучке, перебежавшей площадь, Барбук решил в самое ближайшее время поговорить с ней. Но мысль о таком разговоре, необходимом и неизбежном, пугала его. Как сделать так, чтобы Лана приняла это известие с тем пониманием, к которому он сам пришел только после долгих мучительных раздумий?

Да, ее судьба ужасна. Но разве не ужасней в тысячу раз родить ребенка, зная, что он обречен на пожизненную неизлечимую болезнь, на непрерывные страдания. Конечно, могла родиться девочка – девочка не подвергнется опасности... но это только отсрочка... Ей, Лане, надо понять, что решение ЕКЛ не только разумно, но и гуманно. В таком решении одинаково заинтересовано и государство, ставящее своей задачей здоровье народа, и сама Лана, и он, ее дед, Великий Мусорщик Грон Барбук.

Глава шестая

Великий Мусорщик ошибался. Лана знала о решении ЕКЛ. Однажды ночью Лана проснулась, услышав рыдания матери. Она вскочила с постели и подошла к двери, ведущей в спальню родителей. Дверь была приоткрыта. Отец успокаивал мать, говорил ей какие-то ласковые слова, а мать, не отвечая, продолжала плакать. Лана вслушивалась в отцовский шепот, стоя босиком, в одной рубашке, и его волнение передавалось ей, хотя она никак не могла понять, о чем он говорит. Что-то о гемофилии, о какой-то бумажке. Насторожило ее упоминание доктора Корда, но она так и не догадалась, что речь идет о ней, да и само это странное слово “гемофилия” было ей неизвестно. Она вернулась к себе и долго не могла уснуть. Имя доктора Корда вселяло в нее безотчетный страх.

На другой день она рассказала о подслушанном разговоре своей подруге. Та была старше Ланы на три года. Она слушала Лану с тревогой и сочувствием. Ора тоже не знала, что такое гемофилия, но сочетание имени Корда с разговором о какой-то бумажке не вызывало у нее сомнений.

– Параграф тридцать семь...

Лана побледнела.

– Ты думаешь, они говорили обо мне? – спросила она испуганно.

Ора обняла ее и, прижавшись к ней, задумалась. Высокая, светловолосая, с зелеными, чуть раскосыми, озорными глазами, Ора вызывала у Ланы восхищение. Резкая, насмешливая с другими, Ора никогда не позволяла себе обидеть Лану. В ее отношении к девушке угадывалось нечто материнское, хотя это чувство, пожалуй, и не было ей свойственно.

– Бедная девочка, – тихо произнесла Ора.

Лана высвободилась из ее объятий, опустилась на пол и заплакала.

Ора задернула занавеску, открыла шкатулку, стоявшую на столе, достала пачку сигарет и закурила. Лана от удивления перестала плакать.

– Ты... куришь?

Ора криво усмехнулась:

– Погоди немного, закуришь сама.

Курение запрещалось и строго преследовалось в соответствии с Гигиеническим Уставом. Сигареты доставлялись в Лакуну контрабандистами, и за курение полагалось десять суток санитарно-исправительных лагерей.

– Что же со мной будет? – спросила Лана.

– То же, что и со мной, – усмехнулась Ора.

– Как? И ты... тоже? – изумилась Лана.

Ора засмеялась. Лана не знала того, что известно всем. Не знала потому, что все еще жила в своем почти детском мире. Ора понимала ее состояние, жалела ее, но вовсе не считала случившееся таким уж большим несчастьем.

В сущности, розовая бумажка из ЕКЛ освобождала женщину от множества тяжелых обязанностей, от заранее предначертанного существования – замужества, семьи, детей, хозяйства, кухни... Ора давно поняла, что все это ее ничуть не привлекает. Бумажка из ЕКЛ давала своеобразную свободу, самостоятельность, открывала возможности, недоступные замужним женщинам и составлявшие для Оры важную часть ее жизни.

Для Ланы та жизнь, которую вела Ора, была неизбежна, вернее, именно такая жизнь могла стать для нее единственным выходом. Вопрос заключался в том, сможет ли Лана принять ее так же легко, как в свое время Ора. Легко и даже с радостью.

Женщины, в отличие от мужчин, относились к запрету на супружество особенно болезненно. Многие уходили в специально созданные колонии, чем-то похожие на прежние монастыри, где вели бессмысленную, тоскливую жизнь. Другие оставались в семьях, нянчили чужих детей. Кое-кто находил свой конец в сумасшедшем доме. Случалось – вешались, топились, выбрасывались из окон.

Ора знала только один путь, который мог избавить Лану от чувства неполноценности, от ощущения собственной ненужности, путь, который избрала она сама: Лана должна пойти к Вэллу.

Конечно, не сейчас, не сразу. Лане надо созреть. Она должна прийти к Вэллу без малейших сомнений, готовая на

все. Для этого потребуется время.

Когда Грон Барбук увидел из окна Лану, перебегающую через площадь, он не задумался над тем, куда и зачем она направляется. Он и не подозревал, как за полтора года переменялась его внучка. То, что Барбуку по привычке казалось детской шаловливостью, в действительности было уже чисто женским лукавством. Лана старалась не показать близким, особенно деду, открывшееся ей нечто, столь огромное и притягательное, что она подолгу не могла заснуть по ночам, полная неясных предчувствий.

Лана шла к Вэллу.

Это имя Ора произносила редко, но оно неизбежно подразумевалось во всех их разговорах, в которых Ора открывала ей то, чем жила сама и чем, как она была убеждена, предстоит жить Лане.

Вэлл, о котором Ора говорила “Он”, представлялся Лане то высоким статным парнем с черными как уголь глазами, то седым умудренным старцем с длинной белой бородой, с пронзительным взглядом обязательно черных глаз. Однажды он привиделся ей во сне деревом с раскидистой кроной, деревом-человеком. Он обнял ее своими ветвями, бережными, как руки матери, и произнес ласково, даже нежно:

– Все будет хорошо, девочка...

Иногда Лана спрашивала Ору: какой он, Вэлл? Кто он? Но Ора неизменно отвечала одно и то же:

– Увидишь. Придет время, увидишь.

Лана миновала площадь, узенькими улочками, застроенными двухэтажными домишками, выбралась на окраину. Город обрывался сразу – справа почти до самого моря тянулись оливковые рощи, а вдалеке виднелся силуэт крепости. Слева, километрах в двух от города, начинался лес. У самого края леса стоял небольшой хуторок, в котором жил некий Йорг, торговавший самодельными игрушками. Лана знала его в лицо, хотя ни разу с ним не разговаривала. Встречая этого высокого молодого человека, она испытывала какое-то странное смущение. Йорг при встрече с Ланой улыбался, но улыбка быстро сменялась взглядом таким грустным, что Лана невольно отводила глаза. В его взгляде Лане чудилась какая-то тревога, сочувствие, будто он знал о ее беде. Она еще больше смущалась. Поэтому, проходя мимо его хутора, она ускорила шаг, чтобы не встретиться с ним.

И тут она увидела, как с хутора вышел какой-то крестьянский парень в поношенном праздничном наряде. Это был не Йорг. Он шел насвистывая, помахивая прутиком, впереди нее. И вдруг исчез.

Лана от неожиданности остановилась. Исчезновение незнакомца показалось ей столь странным и необыкновенным, что она испугалась: он будто провалился сквозь землю. Возбужденная предстоящей встречей с Вэллом, подготовленная таинственными намеками Оры к самым невероятным чудесам, Лана ощутила нешуточный страх. Ей вдруг

показалось, что исчезнувший парень как-то связан с Вэллом, кто знает, может быть, он и есть этот загадочный Вэлл...

Как она умоляла Ору пойти с ней! Ора только качала головой. Она была неумолима: Лана должна пойти одна. Она не говорила почему, но Лана догадывалась: такова воля Вэлла.

Ею овладело желание немедленно вернуться домой, не ходить туда, где ее ждало нечто неведомое, пугающее и притягательное... Она постояла в нерешительности минуту-другую, повернулась, пошла обратно. Неожиданно откуда-то выскочил заяц. Он удивленно поглядел на Лану, подергал губой и, перебежав через дорогу, пустился наутек.

Заяц перебежал дорогу. Плохая примета. Значит, возвращаться нельзя. И она сперва медленно, потом все быстрее зашагала туда, где ждал ее Вэлл.

А с хутора вышел еще один человек, которого она уже не видела. Он проводил ее задумчивым взглядом и, постояв мгновение, медленно пошел за ней. На сей раз это был Йорг.

Справка

АЛЕН РОЗОВСКИЙ. Более известен под именем Алэн Колле, родился в Туре (Франция) в 1947 г. Отец – Максим Розовский, сын русского эмигранта, этнограф. Мать – Мадлен Колле, француженка, балерина. Окончив в 1969 г.

Сорбонну, Алэн отправился путешествовать. Его очерки о быте и верованиях малоизвестных племен Бирмы, Таиланда и Курдистана печатались в журнале National Geographic, перепечатывались другими географическими изданиями, а также вышли отдельной книгой в Англии, США, Франции, Германии и Бельгии. Кинофильм, снятый им в Курдистане, обошел все мировые экраны. Следует отметить как явление едва ли не исключительное, что некоторые из его публикаций в популярных изданиях были перепечатаны в научных журналах.

Сэр Ричард Гревс, всемирно известный специалист по истории религий, отмечал в своих статьях уникальную ценность некоторых наблюдений и выводов Алэна Колле, касающихся рудиментарных явлений в современных верованиях отсталых народностей.

В настоящее время местопребывание Алэна Колле неизвестно. Имя его уже два года как исчезло со страниц журналов и газет. Все попытки репортеров выяснить что-либо о его судьбе оказались тщетными. Его отец Максим Розовский заявил, что ничего не знает о местонахождении сына. Есть предположение, что он погиб во время попытки проникнуть в глухие районы одной из африканских стран. Не исключено, что он стал жертвой ненависти туземцев к белым.

Журнал "Przekrój". ПНР. 1976, № 22

Глава седьмая

Ален был авантюристом. Но авантюристом современным, так сказать, идейным. Из тех, что, объявив себя сторонником новой миграционной теории, пускаются в опасный путь через океан на утлой лодчонке, сплетенной из свекольной ботвы, как это делали за пять тысяч лет до нашей эры какие-нибудь аборигены. Ален, как остроумно заметил в свое время сэр Ричард Гревс, был “охотником за дьяволом”. Он разыскивал следы когда-то грозного божества там, где они еще сохранились в верованиях отсталых народов. В Курдистане ему удалось заснять тайные обряды езидов, поклонявшихся дьяволу, что едва не стоило ему жизни. Здесь, в Лакуне, где еще в конце прошлого столетия культ дьявола причудливо переплетался с христианской религией, Ален рассчитывал на самые неожиданные находки. Но за время, проведенное в этой стране, он неоднократно убеждался в том, что реформы Кандара, его атеистическая пропаганда начисто смели всякую веру как в Бога, так и в дьявола. Остались лишь жалкие суеверия и вера в приметы, скорее инстинктивная, чем сознательная, как и в любой цивилизованной стране. Однако Ален не терял надежды, что поиск его увенчается успехом. Задержанный сакваларами и выдворенный из Лакуны полгода назад, он снова вернулся сюда на паруснике контрабандистов, разбившемся о скалы, и, оказавшись в купальне

Диктатора, увидел Марию, заставившую его на время забыть о научных изысканиях.

Когда саквалары арестовали его, он меньше всего рассчитывал на скорое освобождение. Но случилось так, что из двух дорог, ведущих к городу, конвоиры выбрали кратчайшую, по берегу моря, мимо полуразрушенной крепости. Тропинка, довольно узкая, шла вдоль крепостной стены, по краю скалистого обрыва, круто спускавшегося к воде.

Ален, уже готовый к двухнедельному пребыванию в санитарно-исправительном лагере со всеми его прелестями, вдруг понял, что перед ним открывается возможность избежать выдворения из Лакуны. Он поглядел вниз. До воды было не меньше тридцати метров. Ему приходилось прыгать с вышки, и тройное сальто при прыжках в воду когда-то, еще в школе, принесло ему недолгую славу. Но одно дело прыгать с вышки, другое – с тридцатиметровой горы в море, загроможденное обломками скал... Однако колебания длились недолго.

Ален резко остановился. Шедший сзади конвоир от неожиданности споткнулся и упал. Выбив ударом ноги автомат из его рук прежде, чем шедший впереди саквалар сообщил, что происходит, Ален прыгнул вниз.

Они падали одновременно – Ален и автомат незадачливого конвоира. Ален достиг поверхности моря раньше автомата и скрылся под водой. Саквалары растерянно переглянулись. Тот, у которого в руках оставалось оружие, бросился

к краю скалы и выпустил несколько очередей. Но Алэн, вынырнув у самого берега и прижавшись к скале, уже спокойно смотрел на фонтанчики от пуль, взметавшиеся в нескольких метрах от него. Сверху он был невидим.

Растревоженная выстрелами темно-синяя гладь снова стала неподвижной. Прождав несколько минут, саквалары мрачно поглядели друг на друга.

– Разбился о камни и утонул, – сделал вывод тот, что оставался с автоматом. – Ясно?

Второй удрученно кивнул.

Постояв еще некоторое время и убедившись, что дальнейшее ожидание бессмысленно, саквалары отправились докладывать о бегстве и гибели арестованного своему командиру.

Догадавшись по осыпавшимся сверху камням, что конвоиры уходят, Алэн передохнул и снова нырнул в воду. Он знал, что невдалеке, на глубине трех-четырех метров, существует подводный коридор, ведущий в подземелья крепости, то ли пробитый строителями, то ли возникший естественным путем, коридор, которым ему уже приходилось пользоваться. Разыскав широкое отверстие в скале, он проплыл под водой метров десять и оказался на дне вертикального колодца, через который выбрался в подземное помещение крепости.

В одной из келий, служившей, по-видимому, когда-то местом заточения, он устроил себе убежище еще до своего изгнания из Лакуны. В келье стояла железная, скользкая от

ржавой плесени койка, колченогий табурет и в нише, выбитой в скале, – керосиновый фонарь.

Здесь Ален чувствовал себя в полной безопасности: крепость была окружена колючей проволокой, и проникнуть туда не мог никто. В течение сотен лет жители столицы брали тут камни для своих домов. Башни обрушились, а те, что еще держались, ежеминутно грозили обвалом. Лет десять назад двое ребятишек, забравшихся сюда поиграть, погибли под внезапно упавшим куском стены. С тех пор проход в крепость был запрещен. Ален находился под защитой этого запрета.

Он с трудом стащил с себя мокрые джинсы и рубашку, вытащил из-под койки оцинкованный ящик, достал темно-серые шаровары, холщовую рубашку, козий жилет с потускневшими позументами и короткие мягкие сапожки. Тело было влажным, и переодевание не принесло облегчения. Тем более что он ощущал тупую боль в правом плече – очевидно, ударился о выступавшие из воды камни. Ален повалился на койку и мгновенно уснул. Проснувшись, взглянул на часы и понял, что проспал всего полчаса. Он встал и вышел из кельи. На ощупь двинулся узкими коридорами подземелья.

Испещренное сложными ходами и переходами, оно имело, помимо тоннеля, еще два выхода: один в двух километрах от крепости, в нагромождении прибрежных скал, другой – в овраге, недалеко от дороги, ведущей в город. Этот последний, похожий скорее на лисью нору, чем на подземный

ход, Ален обнаружил случайно. Полгода назад он несколько ночей работал киркой и лопатой, расширяя узкий лаз так, чтобы можно было ползком вылезти в глубокий овраг, поросший колючим кустарником.

Теперь, выбравшись наружу, он огляделся и, выпрямившись, пошел к шоссе. В козьем жилете с выцветшими галунами, в круглой шапочке из вяленой шерсти он ничем не отличался от какого-нибудь деревенского паренька, направляющегося в город по своим делам. Пройдя в сторону города метров двести, он свернул к одинокому хутору, стоявшему на краю леса.

Хозяин хутора Йорг, высокий плечистый парень, как и большинство лакунцев – черноволосый, заметил его издали. Он встретил его в воротах, молча пожал руку и провел в дом. Здесь, прикрыв дверь, Йорг обнял Алена и радостно засмеялся.

– Вернулся! Все-таки вернулся! – произнес он низким певучим голосом. – Я думал, никогда больше тебя не увижу. – Внезапно лицо его стало серьезным. – Ты морем? С ними?

Ален кивнул и снял шапочку.

– Все? До одного? – глухо спросил Йорг.

– Похоже, что кроме меня никто не спасся...

Они помолчали. Йорг перекрестился.

– Да... Может, оно и лучше – лежать на дне, чем... – Йорг не договорил и безнадежно махнул рукой.

Ален поглядел на него с сочувствием: Йорг, которому,

в соответствии с параграфом тридцать семь Евгенического кодекса, запрещено было иметь детей, безумно любил их и мечтал о большой семье. У себя на хуторе он устроил мастерскую игрушек. Резал из дерева, лепил из глины и весь с ног до головы вечно был перепачкан краской. Игрушки эти, необычные, странные, вроде собак с шестью ногами или тележки с парусом, почему-то очень любили ребятишки, прибежавшие полюбоваться диковинками, а иногда и покупавшие его безделушки и делавшие собственные заказы. Так, знаменитые кошки с крыльями и коровы с окошечками на боках были сделаны им по рисункам детей.

Взрослые недовольно косились на его уродцев: было в них что-то сомнительное, вызывающее подозрение. Кое-кто, убежденный, что деятельность Йорга плохо согласуется с идеями Кандара, сообщал куда следует о нездоровой любви мастера к уродству. К Йоргу приходили хмурые чиновники и тупо смотрели на игрушки, вызывавшие у них отвращение. Но поскольку в законах Лакуны подобные случаи конкретно не предусматривались, чиновники, выразив на всякий случай свое порицание, удалялись, оставляя мастера в покое.

Вертя в руках лошадку с заячьей головой и двумя хвостами, Ален поведал Йоргу о своей встрече с Марией и, заметив, как бы между прочим, что она необыкновенно красива, сказал, что ему необходимо ее увидеть.

Йорг покачал головой с легкой грустью и чуть насмешливо.

– Влюбился? – спросил он.

Ален невольно улыбнулся: Йорг угадал. “Охотника за дьяволом” интересовала сейчас только дочь Диктатора.

Йорг задумался. У него в голове мелькнул довольно рисованный план.

В соседней комнате спал двоюродный брат Йорга, саквалар из пограничного карга, включенный за какие-то особые заслуги в состав почетного караула на церемонии вручения Почетного знака Грону Барбуку. С вечера он довольно основательно злоупотребил запрещенным в Лакуне напитком и пребывал в состоянии полной прострации. Ален может воспользоваться его мундиром и таким образом не только увидеть Марию, которая, конечно, будет присутствовать на церемонии, но и выручить злополучного братца.

– Прекрасная мысль! – воскликнул Ален, и оба направились в комнату, где прямо на полу, растянувшись во весь рост, храпел бравый саквалар. Раздеть пьяного оказалось делом нелегким, и они изрядно повозились с ним. Бедняга остался в одном белье, и, чтобы ему не было холодно, Йорг прикрыл его ковром.

– Сана! – прохрипел саквалар, и это было единственное слово, которое он произнес за все время.

Мундир пришелся Алелу в самый раз, и Йорг одобрительно похлопал его по плечу.

– Кричи погромче “Сана!”, и все будет в лучшем виде, – сказал он, смеясь.

Ален улыбнулся – всякий раз, когда ему случалось идти на предприятие отчаянное, а подчас и совсем безнадежное, ему сопутствовала удача, почти неправдоподобная.

Он увидел Марию. Они обменялись взглядами, не оставившими сомнения в том, что встреча на пляже не прошла бесследно для них обоих. Ален вовремя скрылся. Как ему показалось, никто из стоявших с ним в одной шеренге ничего не заподозрил.

Вернувшись после церемонии к Йоргу, он переоделся и в самом лучшем настроении, насвистывая и помахивая прутиком, направился к себе в крепость, не обратив внимания на девушку, которую привел в такое смятение своим таинственным исчезновением, скрывшись в потайном лазе.

Глава восьмая

Солнце уже скрылось из виду, и только верхушки деревьев были освещены золотистым светом. Темные корявые стволы вековых буков сделались почти черными, а нависшая над поляной скала, вся в трещинах и разломах, казалась Лане огромным притаившимся чудовищем, едва ли не самим Вэллом.

Посреди поляны лежал огромный камень, круглый и плоский, как стол. Вокруг камня хороводом стояли деревья, такие старые, что в дупле каждого из них могли бы спрятаться от дождя по меньшей мере человек пять. Это была та самая поляна, о которой говорила Ора. Если бы она подробно и точно не объяснила Лане, как сюда добраться, девушка ни за что бы не нашла это странное и жутковатое место.

Лана и раньше бывала в лесу, но сюда никогда не забредала: к поляне не вела ни одна тропка, и Лана долго продиралась через густые заросли, прежде чем увидела скалу и окруженный буками камень, похожий на стол.

Теперь ей надо подняться на него и сказать не очень громко, но отчетливо: “Я пришла, Вэлл! Я, Лана, пришла к тебе, Вэлл!”

Так велела Ора. Что будет потом, Лана не знала. О том, что за этим последует, Ора молчала.

Лана почувствовала, что дрожит. Все тело вибрировало

– дрожали руки, ноги, дрожало что-то внутри... Лане захотелось убежать, прежде чем произойдет нечто неизвестное, быть может непоправимое. Но Ора предупредила, что сначала ей станет страшно, но это пройдет. Не надо поддаваться страху. Все будет хорошо. “Все будет хорошо”, – прошептала Лана. И звук собственного голоса слегка успокоил ее. Ора прошла через это, и вот – жива, здорова, весела... Ничего плохого с ней не случилось. Лана вспомнила ее широкую, открытую улыбку и почувствовала, что Ора не могла обмануть, все действительно будет хорошо.

Она вскарабкалась на каменный стол и, повернувшись, как учила Ора, лицом к скале, тихо, так тихо, что едва различала собственные слова, произнесла:

– Я пришла, Вэлл!

Кругом стояла такая неправдоподобная тишина, что Лана слышала, как быстро-быстро стучит ее сердце.

– Я пришла, Вэлл! – повторила она громко. – Я, Лана, пришла к тебе, Вэлл!

И снова в напряженной тишине она слышала стук своего сердца. Золото на верхушках деревьев стало совсем тусклым и чуть заметным. Лана ждала.

Вдруг откуда-то сверху донесся легкий, похожий на шелест листьев шепот.

– Зачем ты здесь, Лана? – приветливо спросил кто-то.

– Я пришла к тебе, Вэлл! – снова повторила она, и сердце застучало еще сильнее.

– Ты пришла сюда по собственной воле, Лана? – спросил ее тот же голос.

Лана огляделась. Она не могла понять, откуда идет этот ласковый, успокаивающий шепот – вокруг никого не было.

– Я пришла по собственной воле, – проговорила она, обернувшись к скале.

– Я рад, что ты пришла, Лана. Я рад твоему приходу. Подними руку и поклянись, что все увиденное, услышанное тобой, все содеянное здесь навсегда останется тайной.

Лана подняла руку.

– Клянусь, что все, что я увижу и услышу, и все содеянное здесь останется тайной, – пролепетала она срывающимся от страха голосом.

– Тебе страшно, Лана? – спросил голос.

– Да, Вэлл, мне страшно.

– Сейчас твой страх пройдет. Подойди к дереву, стоящему позади себя. Там в дупле стоит чаша. Выпей из нее.

Лана спустилась с камня и нашла в дупле деревянный ковш, наполненный красной маслянистой, похожей на кровь жидкостью, от которой пахло полынью, смолой и еще чем-то резким, неприятным. Лана почувствовала легкую тошноту.

– пей, Лана! – произнес голос ласково и в то же время повелительно. – пей!

Лана зажмурилась и с отвращением стала пить тягучий, солоноватый напиток. Когда она опорожнила ковш, раздался громкий, раскатистый звук, похожий на удар грома. Ла-

на подняла голову, но небо было чистым и бледным, чуть подсвеченным заходящим солнцем. Легкое облачко медленно плыло над ее головой.

– Тебе все еще страшно? – спросил голос.

– Нет, Вэлл, мне больше не страшно, – ответила Лана, удивляясь тому, что от ее страха не осталось и следа.

Она по-прежнему ощущала внутреннюю дрожь, но теперь ничего не боялась: теперь все в ней дрожало от веселого, озорного возбуждения, от готовности к чему-то манящему, неясному ей самой. Это ощущение было сродни тому волнующему ожиданию, которое порой не давало ей уснуть, но сильней, нестерпимей, радостней.

– Покажись мне, Лана! – услышала она и растерялась, ведь она стоит перед ним и он, Вэлл, ее видит, что же значит это “покажись”?

Но растерянность длилась лишь мгновение. Она поняла, чего хочет Вэлл, и это показалось ей таким естественным, что она засмеялась и легким движением сбросила с себя платье...

Обнаженная, она стояла на камне, и легкие тени ветвей падали сверху на ее смуглое тело. Она стояла зажмурившись, раскинув руки, и ждала: сейчас он подойдет к ней, этот таинственный Вэлл, она откроет глаза и увидит Его.

– Вэлл, Вэлл... – прошептала Лана, но только легкий, едва ощутимый ветерок коснулся ее разгоряченного тела.

Она открыла глаза. Никого не было.

– Вэлл! Я хочу видеть тебя, Вэлл!

Вокруг царило безмолвие.

И вдруг тихо, так, что она едва расслышала, до нее донесся все тот же почти неуловимый шепот:

– Ты прекрасна, Лана...

Лана вздрогнула и засмеялась. Она прекрасна! Вэлл принял ее! Он сам сказал, что она прекрасна! Теперь все будет так, как обещала Ора, будет лучше, чем даже мечталось! Вэлл сказал, что она прекрасна! И что ей теперь этот проклятый параграф!

Внезапно несколько тяжелых капель упало ей на плечи. Она взглянула вверх: сквозь ветви деревьев розовело безмятежное послезакатное небо. Она дотронулась до капли, упавшей на грудь. Красное пятно расплылось по груди.

– Что это, Вэлл? – воскликнула она испуганно.

– Кровь, Лана, – ответил голос. – Кровь первого посвящения. Живая кровь Вэлла. Ты обрела свободу, Лана! Теперь ты принадлежишь только мне, Вэллу! Никто не властен над твоими желаниями, ни мать, ни отец, ни закон! Ты свободна, свободна, свободна, потому что Вэлл – это свобода! – Голос теперь звучал торжественно и сильно.

Лана радостно ловила падающие откуда-то с высоты слова.

– Что я должна делать, Вэлл? – спросила она, когда голос смолк.

– Иди домой, Лана! Я позову тебя, когда придет День.

Прощай, Лана!

Снова раздался удар грома, и все смолкло.

И если бы не кровь на груди, на плечах, на ладонях, если бы она не видела себя обнаженной и платье не валялось у ее ног, она решила бы, что все это был сон. Нет! Вэлл действительно был здесь, говорил с ней, принял ее... Она медленно натянула на себя платье и снова взглянула на скалу, нависавшую над ней темной громадой, чужой и молчаливой. Внезапно скала вдруг осветилась – как-то странно, будто изнутри. Ей показалось, что на нее смотрят чьи-то глаза. Одни глаза – завораживающие, огромные, немигающие глаза великана, заточенного в скале. Лана вскрикнула и упала, потеряв сознание.

Она не видела, как погасло свечение, как потемнело небо и поляна погрузилась во мрак.

Из-за деревьев вышел Йорг. Он бережно поднял девушку и аккуратно, так, чтобы ее не задевали ветви, вынес на лесную тропу. Он нес ее, ощущая грудью слабое биение ее сердца, а щекой – прикосновение мягких, пахнущих мятой волос.

Он вынес ее из леса и опустил на траву возле дороги, ведущей в город. Взошла луна. Йорг сидел, не отрывая взгляда от совсем еще детского личика. Он сидел долго, пока Лана не зашевелилась и не открыла глаза. Тогда Йорг бесшумно вскочил и, прежде чем она пришла в себя окончательно, исчез в зарослях кустарника. Он видел, как Лана поднялась и

медленно побрела в город. Йорг незаметно проводил ее до самого дома, и только когда закрылась за ней дверь, отправился к себе.

Глава девятая

Кандару незачем было заглядывать в свой блокнот, чтобы вспомнить о записи, связанной с Марией. Вчерашние события дали новый толчок его давней тревоге о судьбе дочери.

До самой смерти Лиллианы, матери Марии, Кандар мало вникал в вопросы ее воспитания; работа над новыми установлениями, дела по переустройству страны целиком поглощали его, и он лишь изредка с некоторым неудовольствием замечал, что Лиллиана частенько отступает от принятых еще в первые годы после Январской революции “Правил начального воспитания”. Лиллиана, конечно, следовала этим Правилам, но привносила в воспитание дочери некоторые элементы, по мнению Кандара деформирующие его идеи.

Однако любовь к жене, смутное ощущение вины перед ней, оторванной от того мира, в котором она выросла, делали его более снисходительным, чем следовало.

Лей Кандар познакомился с Лиллианой в Вене, где изучал в то время медицину у профессора Лангеманна.

Здесь, в Вене, он провел свое детство. Отец его, Гар Кандар, один из богатейших людей Лакуны, владелец обширнейших поместий на юге страны, жил безвыездно в столице Австрии. Великан почти двухметрового роста, с большой головой и густыми “венгерскими” усами, он был человеком щедрым и общительным. Его огромный дворец на окраине Вены

был всегда полон гостей и прихлебателей. Гар Кандар занимал пост Чрезвычайного посла Лакуны в Австрии и был ближайшим другом последнего императора Лакуны Одра Шестого. Предки Одра вели свою родословную от Карла Великого, что, как они полагали, давало им право именовать себя императорами.

Гар Кандар частенько посмеивался над пышным наименованием своей крохотной родины – Лакунская империя – и относился к породившей его стране с нескрываемой иронией. Жить там он не желал, и его сын лишь в девятилетнем возрасте впервые увидел Лакуну.

Грязь, нищета, скудное, примитивное существование народа, открывшиеся ему при первом знакомстве с родиной, произвели на него гнетущее впечатление, едва ли не испугали.

Первое его пребывание в Лакуне длилось неполный месяц, но еще долго после возвращения в Вену он не мог отделаться от чувства брезгливости и тошноты при одном воспоминании о своих соотечественниках. Он попытался заговорить об этом с отцом. Отец расхохотался и сказал, что так оно и есть, что Лакуна, в сущности, не что иное, как огромный хлев, где люди живут как свиньи и недалеко ушли от своих предков-обезьян в умственном развитии. Гар Кандар был человеком просвещенным и до известной степени атеистом.

После внезапной смерти бездетного Одра, отравившегося

базарными пирожками во время народного гулянья, страна была объявлена Республикой, а императорский трон был сохранен как символ ее славного прошлого.

В Вену к Гару Кандару прибыла делегация именитых граждан Лакуны с предложением занять пост президента новоиспеченной Республики. Гар Кандар долго и раскатисто хохотал. Хохотал до слез. Отхохотавшись, он сообщил именитым гражданам, что слишком уважает себя, чтобы согласиться на комическую роль президента такого дурацкого государства.

Глава делегации дрожащим от обиды голосом сказал, что в этом “дурацком государстве” Кандарам принадлежит едва ли не треть всех годных для обработки земель. На что Кандар заявил, что земля, годная для обработки, еще не государство и лучшее, что можно сделать для Лакуны, это просить Австрию присоединить Лакуну к себе, если только Австрия согласится на такую глупость.

Лей, присутствовавший при этом разговоре, болезненно переживал оскорбительный тон, которым отец разговаривал с посланцами Лакуны. К тому времени он уже не вполне разделял отношение отца к соотечественникам как к существам, недалеко ушедшим от обезьян.

Может быть, именно тогда, глядя на причудливо одетых именитых граждан Лакуны, за исключением национальных костюмов мало чем отличавшихся от респектабельных посетителей Кандарова дворца, будущий преобразователь Лаку-

ны впервые подумал, что если хорошенько отмыть остальных лакунцев и одеть более или менее прилично, они тоже ничем не будут отличаться от других представителей рода человеческого.

Гар Кандар президентом не стал. Он остался жить в Вене, где Лей окончил школу и поступил в университет.

В отличие от отца, мать Лея любила свою злополучную нищую Лакуну и частенько проводила каникулы вместе с сыном на берегу Шедарского залива. Эти короткие посещения Лакуны, знакомство с людьми меняли отношение Лея к родине, и в голове мальчика рождались самые фантастические планы преобразования своей забытой Богом страны.

Лиллиана была единственной дочерью натурализовавшегося в Австрии Максимилиана фон Вейнероде, владельца небольшого, хотя и очень древнего замка в Гарце. Сам фон Вейнероде, вдохновленный примером великого Гумбольдта, все свое время проводил в путешествиях по Азии и Африке. Болезненная его супруга жила безвыездно где-то под Ниццей, а дочь воспитывалась в частном пансионе в Швейцарии.

Настроенная весьма романтически, девушка была склонна к поступкам экстравагантным. Так, незадолго до своей встречи с Кандаром Лиллиана сбежала из пансиона, и в один прекрасный день, вернувшись с охоты на носорогов, Максимилиан фон Вейнероде обнаружил дочь у себя в палатке, за тысячи километров от пансиона, в африканских джунглях.

Лей Кандар впервые увидел эту высокую порывистую де-

вицу с тонкими, на редкость правильными чертами лица, напоминавшими камю, в тот день, когда она сразу же после возвращения из Африки, в ореоле своего подвига, вместе с отцом появилась в Кандаровом дворце.

Кандар влюбился с первого взгляда. И первые слова, которые он произнес, после того как их представили друг другу и они остались наедине, были предложением выйти за него замуж.

Лиллиана тут же дала согласие.

Поразительно, что поступок этот, самый необдуманный в его жизни, был одновременно единственным, о котором он никогда впоследствии не жалел. Лиллиана оказалась преданным другом и, как ему казалось, полностью разделяла его учение.

Сейчас, через три года после ее смерти, Кандар склонялся к мысли, что Лиллиана, в сущности, не так уж глубоко воспринимала его идеи и восхищалась не столько его замыслами, сколько им самим, его личностью.

Открытие это несколько, однако, не повлияло на его любовь, которую он целиком перенес на Марию.

Единственной тенью, падавшей на эту ничем не омраченную любовь, была подлая фальшивка, появившаяся после ее смерти и ходившая по рукам под названием “Завещание Лиллианы”, где его Революция, и все его преобразования, и он сам изображались в самом комическом виде.

Лиллиана была не лишена остроумия, но Кандар не со-

мневался, что “Завещание” – не что иное, как грубая подделка, изготовленная за рубежом, и Лиллиана к ней никакого отношения не имеет. Смущало его лишь то, что в тексте “Завещания” попадались отголоски некоторых мыслей и даже выражений, напоминавших ее высказывания.

В последние годы жизни Лиллиана тосковала и просила отпустить ее с дочерью в Вену, где Мария могла бы завершить образование. Кандар категорически отказал ей. Он сказал, что его дочь должна остаться подлинной лакуной, не испорченной тлетворным влиянием европейской псевдокультуры, развращающей не только тело, но и дух человека.

Лиллиана рассмеялась. Смех ее напомнил ему тот, которым Гар Кандар встретил в свое время предложение стать президентом Лакуны. Лей был оскорблен этим издевательским смехом и в течение трех дней избегал Лиллиану.

Живой он больше ее не видел.

Она умерла. Врачи констатировали отравление. Лиллиана покончила с собой.

Кандар нашел ее поступок жестоким и несправедливым, тем более что накануне ее смерти он подумывал, не отпустить ли все-таки жену и дочь в Вену, если и не для завершения образования Марии, то хотя бы для того, чтобы Лиллиана могла повидаться с престарелым отцом. Он даже советовался по этому поводу с Гельбишем.

– Она не вернется, Учитель. Вы ее больше не увидите. Ни ее, ни дочери, – сказал Гельбиш уверенно.

Кандар подумал и согласился со своим верным другом.

Лиллиана отравилась таблетками, доставленными через контрабандистов – другими путями добыть их она не могла. В народе, правда, поползли слухи, что она была отравлена – если не самим Кандаром, то уж, во всяком случае, Гельбишем. Но до Кандара эти вздорные слухи не доходили.

Лиллиану похоронили в парке резиденции, и Кандар в редкие свободные минуты навещал ее могилу. Статуя из белого мрамора, изображавшая Лиллиану в лакунском национальном костюме, изготовленная известным французским скульптором, получившим заказ через посольство в Греции, была поразительно похожа на живую Лиллиану, хотя скульптор пользовался для работы лишь фотографиями. Лиллиана стояла чуть подавшись вперед, виновато улыбаясь, и протягивала руки, как бы прося у Кандара прощения за свой необдуманый поступок. И Кандар прощал ее...

Мария жила в отдельном домике под присмотром Гуны, его тетки, с которой особенно близка была при жизни Лиллиана. Кроме Гуны в доме жили две девушки, полугорничные-полуподруги, Зея и Вила, с которыми Мария проводила почти все свое время.

Марии исполнилось восемнадцать лет, и по законам Лакуны она в течение года должна была выйти замуж. Однако всякий раз, когда отец заговаривал на эту тему, Мария начинала смеяться, и Кандар прекращал разговор.

Вчерашнее появление выброшенного морем чужестран-

ца, ее поведение в купальне и потом, во время церемонии, обеспокоило Диктатора. Он решил всерьез поговорить с дочерью.

Кандар знал, кого хотел бы видеть своим зятем. Из всех претендентов на руку дочери он предпочел главного помощника генерального директора ЕКЛ доктора Червиша.

Доктор Мэт Червиш, один из наиболее талантливых представителей поколения, воспитанного Революцией, воплощал в себе законченный идеал того нового человека, каким его видел в мечтах Великий Преобразователь Лакуны. Отличный спортсмен с безукоризненной фигурой (длинные ноги, хорошо развитый торс, красиво посаженная, большая, чуть продолговатая голова, трезвый уверенный взгляд), доктор Мэт в свои двадцать шесть лет достиг высокого поста исключительно благодаря таланту и глубочайшей верности идеям Революции 19 Января. Лей Кандар втайне подумывал, что лучшего преемника трудно даже себе представить.

К этому следует добавить, что сам Мэт некоторое время назад обратился к нему с просьбой быть посредником между ним и Марией, к которой, как он сам признался, давно питает самые глубокие чувства. Кандар отнесся к его просьбе благосклонно. Тем более что Мэт тоже достиг предельного возраста, предписанного Законом для вступления в брак.

У Кандара были некоторые основания полагать, что Мария отнесется к его выбору доброжелательно: он часто наблюдал их вместе и замечал, что с лица Марии не сходила

улыбка, так похожая на ту, с которой когда-то Лиллиана слушала его самого.

Кандар застал Марию у распахнутого настежь окна. Она рассматривала темнеющий на фоне вечернего неба силуэт крепости.

Кандару ее поза показалась несколько напряженной. Удивило и лицо, раскрасневшееся, возбужденное. Рука, которую она протянула ему, чуть заметно дрожала.

– Добрый вечер, отец! – поздоровалась она тихо, не глядя ему в глаза.

Неужели она догадывается, о чем я собираюсь с ней говорить, подумал Кандар.

– Ты одна? – спросил он. – А где Гуна?

– Гуна спит. А девушек я отпустила погулять. – Теперь Мария выглядела спокойной. Может быть, слегка подчеркнута спокойной, что не ускользнуло от Кандара.

– Что-нибудь случилось? – спросил Кандар, внимательно вглядываясь в лицо дочери.

– Нет, – улыбнулась Мария, – ничего не случилось. Просто я раз мечталась и не заметила, как ты вошел... Я... испугалась.

Кандар сел на низенькое сиденье, поджав ноги, в излюбленной позе крестьян юга. Так, покуривая длинные трубки, они любили когда-то сидеть, неторопливо переговариваясь друг с другом. Впрочем, теперь они обходятся без трубок.

- Ты догадываешься, зачем я пришел? – спросил Кандар.
- Нет, – удивленно ответила Мария.
- Тебе уже восемнадцать лет, – сказал Кандар.
- Да, – проговорила Мария. – Я слушаю тебя, отец.

Справка

БРАК. В соответствии со статьей 6 Гигиенического Устава (параграф 1.17), брак является священной обязанностью всех мужчин и женщин Лакуны. Параграф 3 устанавливает предельный возраст, допускаемый при вступлении в брак: для женщин – 19 лет, для мужчин – 27. В случаях, когда девушка до истечения положенного срока не сделала своего выбора, родители не только имеют право, но и обязаны выдать ее за того, кого они сочтут подходящей партией. В случае отсутствия родителей эту функцию осуществляют руководители отделения организации “Сана”, в которой она состоит.

Мужчины, не вступившие в брак до предельного срока, лишаются права занимать ответственные посты в государственных учреждениях, преподавать в школах и высших учебных заведениях, руководить организациями “Сана”, а также выполнять офицерские обязанности в Армии сакваларов.

Для вступления в брак, кроме письменного согласия новобрачных и их родителей (или руководителей организации “Сана”), следует представить справки

из ЕКЛ об отсутствии у будущих супругов наследственных и иных заболеваний, опасных для здоровья их будущего потомства.

Браки оформляются в торжественной обстановке, в спортивном зале, к которому приписан жених, в присутствии специального Уполномоченного Санитарного надзора, обязанного перед началом церемонии прочесть жениху и невесте лекцию о гигиене брака. Продолжительность лекции не должна превышать 75 минут.

Во время брачной церемонии жених и невеста, взявшись за руки, произносят обет взаимной верности, согласно установленному тексту. Знание текста предварительно проверяется Уполномоченным.

Затем жених и невеста дают клятву преданности идеям Лея Кандара и Обновленной Родине.

После этого Уполномоченный надевает на шею жениха, а затем невесты стальные цепи установленного образца из тридцати трех звеньев с медалью из мельхиора, на одной стороне которой выгравирован профиль Диктатора, а на другой текст: “Менс сана ин корпоре сано!”

В завершение церемонии все присутствующие поют гимн Лакуны и песню “Наш великий Лей Кандар”.

Новой Лакуне – новые традиции!

Брошюра, изданная организацией “Сана”. Лакунара, 1967. С. 19–20

Глава десятая

Едва ли Кандар мог выбрать менее подходящий момент для объяснения с дочерью.

Еще два дня назад Мария, быть может, безропотно покорилась бы его решению. Два дня назад ей было все равно, кто станет ее мужем. Она хорошо знала законы Лакуны, и уж кому-кому, но не ей, дочери Диктатора, их нарушать.

Когда-то, как ей казалось очень давно, она мечтала о человеке, которого сможет полюбить. Она смутно представляла, каким он будет, но рассказы матери о знаменитом объяснении Кандара на балу, о любви с первого взгляда и свадебном путешествии по России, Польше, Италии и Испании, рассказы, приукрашенные богатой фантазией Лиллианы, будили в ней мечту о встрече необыкновенной, о любви мгновенной и всепоглощающей.

Мать привила ей страсть к чтению, занятию хотя и не запрещенному, но и не поощряемому. Лиллиана обладала великолепной библиотекой, быть может единственным в Лакуне едва ли не полным собранием романов, вышедших в мире за последние два века. Через посольство в Греции ей доставляли все более или менее заметные новинки современной литературы, разумеется художественной, – другой Лиллиана не читала.

Мария с ранних лет имела свободный доступ в огромный

двухсветный зал с длинными, доходящими до потолка полками, с мягкими креслами и диваном, на котором можно удобно примоститься с книгой, а порой вздремнуть и видеть сны, похожие на только что прочитанное, удивительное, чудесное, ничем не напоминающее пресную лакунскую действительность.

Кандара, естественно, беспокоило подобное времяпрепровождение дочери, но он надеялся, что здоровое гигиеническое воспитание окажется сильнее болезненного пристрастия ко всякого рода фантазиям.

Но хотя Мария прошла все стадии государственного воспитания, посещала, как положено, детскую организацию “Сана”, занималась спортом и даже преуспела в теннисе и фигурном катании, отец с горечью замечал в ней нездоровые перепады настроения: веселая, озорная, подвижная, она вдруг делалась задумчивой, даже замкнутой и отчужденной.

Кандар принял меры: книги Лиллианы после ее смерти были переданы в хранилище Лакунской библиотеки, а в двухсветном зале появились гимнастические снаряды. Сам Кандар лично три раза в неделю занимался с дочерью гимнастикой. Три раза в неделю по сорок минут. Два раза в неделю, тоже по сорок минут, он объяснял ей свои идеи, делился мечтой о будущем общества, где здоровые, красивые люди будут наслаждаться здоровой, естественной жизнью, где не станет уродующих тело болезней, деформирующих психику и делающих человека несчастным.

Мария покорно занималась с отцом, внимательно слушала его лекции, но тревога не покидала Диктатора. Мария избегала подруг по организации “Сана”, оставалась безразличной к простым радостям непосредственного общения. Кандар опасался, что нездоровая замкнутость и таящаяся в ней неудовлетворенность могут обернуться какой-нибудь болезнью.

Случилось другое. Года два назад Мария внезапно исчезла. Фан Гельбиш поднял на ноги своих сакваларов. Марию нашли в горах, у Шванского перевала, известного своей непроходимостью. Нашли без сознания, обессиленную и израненную. По-видимому, она сорвалась с отвесной скалы.

На вопрос отца, зачем и куда она шла, Мария сказала, что хотела увидеть мир.

Увидеть мир!.. Но именно ради того, чтобы оградить людей Лакуны от тлетворного влияния этого “мира”, Кандар совершил свою Революцию, двадцать с лишним лет строил в стране здоровое общество! Он взял с дочери слово, что она не повторит своего безумного поступка. Мария дала слово.

Она смирилась с тем, что манящий ее “мир”, лежащий за границей Лакуны, недостижим для нее, как луна и звезды, которые, впрочем, можно хотя бы увидеть. Она покорилась судьбе. Необыкновенной встречи не будет. Она станет женой человека с отличной фигурой, коротко, гигиенично постриженного, любящего только то, что предписывается установлениями Диктатора.

Ей стало безразлично, кто будет ее мужем. Все сроки прошли: скоро ей девятнадцать. Она просила отца только об одном – не торопить ее.

И вдруг он появился – необыкновенный человек. И встреча с ним тоже оказалась необыкновенной, как в романе, – его выбросило море к ее ногам... Оставив Алена в купальне в момент его ареста, она уверяла себя, что больше никогда его не увидит. Она пыталась не думать о нем, но безуспешно. Его появление на площади в мундире саквалара оказалось для нее, как ни странно, не таким уж неожиданным: с самого утра она жила ожиданием.

Необыкновенное началось.

И когда за несколько минут до прихода отца Мария вдруг увидела Алена у себя в комнате, она тоже не удивилась – он должен был появиться – и рассмеялась. Рассмеялась, как в детстве, когда мать дарила ей новую игрушку или отец подбрасывал ее высоко-высоко, чтобы поймать и снова подбросить. Рассмеялась и тут же испугалась.

– Я говорил тебе, что мы еще увидимся, – весело сказал Алэн и шагнул к ней.

Мария отступила.

– Уходите! – сказала она чуть слышно.

Теперь засмеялся Алэн:

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет! – вырвалось у нее.

Алэн подошел к ней и взял за руку. Мария не отняла руки.

Сейчас он обнимет ее и поцелует... И вдруг она вздрогнула: в парке зашуршал гравий. Кто-то шел по дорожке к дому. Мария подбежала к окну.

– Отец! – прошептала она испуганно.

– Диктатор? – Ален усмехнулся. – Отлично! Я хочу поговорить с ним.

– О чем? – растерянно пролепетала Мария.

– Буду просить у него твоей руки.

Мария вспыхнула. Это было так похоже на рассказы матери о ее первой встрече с отцом. Секунду она колебалась.

– Нет! Не сейчас... Уходите... Пожалуйста...

– Куда? – спросил Ален, улыбаясь.

Мария подтолкнула его к двери в соседнюю комнату, где помещалась ее спальня. Ален на мгновение задержался, обнял ее и поцеловал.

В коридоре слышались шаги.

– Отец не должен вас видеть, – выдохнула она. – Прошу вас...

Ален скрылся в спальне, и Мария притворила дверь. В этот момент вошел отец.

– Тебе уже восемнадцать лет, – сказал Кандар.

– Да. Я слушаю тебя, отец, – ответила она как можно спокойнее.

– Ты просила дать тебе время. Я терпеливо ждал, когда ты сама заговоришь. Ты молчишь.

– Я не хочу замуж, – сказала Мария, смутившись.

– Я должен напомнить тебе Закон, – строго произнес Кандар.

– Не надо. Я знаю его.

– Ты моя дочь. Я не могу допустить, чтобы моя дочь нарушила Закон, который установлен для всех. Ты должна выйти замуж до истечения трех месяцев. Через три месяца кончатся предельный срок.

– А что ты сделаешь, если я скажу нет? – спросила Мария.

– Ты не скажешь нет.

– Я никого не люблю, – пробормотала Мария и покраснела.

Кандар помолчал: если он позволит себе малейшее сочувствие к дочери, то уйдет ни с чем.

– У тебя было время подумать. Если ты до сих пор не сделала выбора, я буду вынужден сделать его за тебя.

Мария в замешательстве посмотрела на отца. Так он с ней никогда не разговаривал.

– Ты выдашь меня замуж против моей воли?

Кандар ответил не сразу. Что-то ему пришлось в себе преодолеть.

– Да, – сказал он наконец. – Да! Я воспользуюсь правом отца решать самому, если к установленному сроку дочь не сделала выбора. Прошу тебя, не заставляй меня прибегать к этой крайней мере.

Как ни сложно, даже несколько двусмысленно было положение Марии, женское любопытство не вовсе покинуло ее.

– У тебя кто-то есть на примете? – спросила она.

Кандар помедлил с ответом.

– Да... Человек во всех отношениях достойный.

Мария мельком взглянула на дверь спальни. Там было тихо. Она не сомневалась – Алэн внимательно слушает их разговор. Внезапно ее охватил страх, что он откроет дверь и войдет.

– Достойный... – рассеянно повторила она. – Кто же он?

– Мэт! – ответил Диктатор, пристально глядя на Марию. – Мэт Червиш.

– Мэт?! – вскрикнула Мария. – Ты хочешь, чтобы я вышла за Мэта?

– Мне кажется, он тебе нравится, – сказал Кандар. – Во всяком случае, беседы с ним доставляют тебе удовольствие... как я мог заметить...

– Беседы с Мэтом? – рассмеялась Мария. – Отец, это самый скучный человек во всей Лакуне! Он говорит со мной так, будто читает лекцию в детской организации “Сана”!

– Ты охотно играешь с ним в теннис...

– Он неплохой партнер. Во всяком случае, когда мы играем, он молчит...

– Мэт просил у меня твоей руки.

– Вот как? – усмехнулась Мария, но тут же ей показалось, что дверь в спальню чуть скрипнула, и она вздрогнула.

– Что с тобой? – спросил Кандар.

Мария незаметно бросила взгляд на дверь. Нет, она ошиб-

лась. Дверь по-прежнему была плотно закрыта.

– Холодно тут. – Она поежилась и прикрыла окно.

– Ты просто волнуешься, – по-своему объяснил Кандар ее состояние. – Я понимаю, разговор... нелегкий, и я, право, не завел бы его, если бы ты сама...

– А если я скажу нет?

– Я тебе уже ответил, – сухо проговорил Кандар. – Ты не скажешь нет.

– Тогда... тогда... дай мне хотя бы три дня... подумать... собраться с мыслями. Я не могу так... сразу...

Мария боялась сейчас только одного: как бы Алэн не ворвался в комнату. Она хотела, чтобы отец как можно скорее ушел.

– Хорошо. Даю тебе три дня. Хотя не понимаю, что может за три дня измениться. – Он обнял Марию. – Я хочу, чтобы ты вышла за Мэта. Я не вижу для тебя более подходящего мужа. Рано или поздно Мэт займет в Лакуне самое высокое положение. Это тебе говорит уже не отец, а Лей Кандар, Глава Государства.

Он не сказал главного – что со временем Мэт займет его место, место Диктатора.

– Как жаль, что мой отец – Глава Государства, – вздохнула Мария.

Кандар ласково улыбнулся и, поцеловав ее в лоб, направился к выходу. В дверях стоял Фан Гельбиш.

– Тысяча извинений, – произнес Министр Порядка.

За ним вошли Ант Маркут и двое сакваларов. Кандар с недоумением уставился на них.

– Мы разыскиваем человека, бежавшего из-под стражи, – пояснил Гельбиш.

– Здесь? В доме моей дочери? – нахмурился Кандар.

– У нас есть подозрение, что он проник в расположение резиденции и скрывается здесь.

Кандар взглянул на Марию.

– Третье Плечо шутит, – удивилась Мария. – Он просто не нашел другого повода, чтобы навестить меня.

– Я не шучу, – поморщился Гельбиш. – Люди видели, как неизвестный человек проник в этот дом.

– Здесь никого нет. Кроме отца, сюда никто не приходил, – сказала Мария.

– Вы разрешите осмотреть дом? – спросил Гельбиш.

Кандар покосился на дочь и заметил, что она побледнела.

– Осматривайте! – распорядился он.

Маркут и саквалары вышли. В комнате повисло молчание.

– Кто этот человек? – спросил Кандар у Гельбиша.

– Контрабандист, задержанный вчера утром в вашей купальне.

– Вот как? – Кандар внимательно поглядел на дочь.

– Значит, он бежал? – засмеялась Мария. – Бежал от ваших бдительных сакваларов! Неужели это возможно, Третье Плечо?

Это была дерзость. Никто не смел так говорить с Фаном

Гельбишем. Но Мария – дочь Диктатора, и Гельбиш счел нужным улыбнуться.

– Случается. Но еще никому не удавалось убежать так далеко, чтобы не оказаться снова в наших руках.

Мария знала, что Гельбиш не хвастается, и сердце у нее сжалось. Снова воцарилось молчание. Кандар наблюдал за дочерью. Она держалась внешне спокойно, но Кандар чувствовал, что она напряжена и встревожена.

Послышались шаги сакваларов, поднимавшихся по лестнице.

– В доме никого нет, – доложил Маркут.

– Вы осмотрели нижний этаж? – спросил Гельбиш.

– Да. И подвал тоже, – ответил Маркут.

Гельбиш прищурившись взглянул на Марию. От него тоже не укрылось состояние девушки.

– Разрешите осмотреть эту комнату? – спросил он, кивнув в сторону спальни.

– Это моя спальня! – Мария встала перед дверью. – Туда не заходит даже мой отец!

Гельбиш перевел взгляд на Диктатора.

– Ты должна разрешить, – сказал Кандар.

– Нет, вы не войдете туда! – не сдавалась Мария. – Вы оскорбляете меня, Гельбиш!

– Это не оскорбление, Мария. Человек, которого мы ищем, не просто чужестранец. Он представляет серьезную угрозу для безопасности Лакуны, – настаивал Гельбиш. – Я

вовсе не думаю, что вам известно о его присутствии в доме, – добавил он.

– Там никого нет! Вам мало моего слова?

– Боюсь, что твоего слова недостаточно, – неожиданно резко объявил Кандар. – Если ты не хочешь, чтобы туда вошел Фан, твою спальню осмотрю я.

– Отец! – вскрикнула Мария.

– Открой дверь, – приказал Кандар.

Мария покачала головой. Она стояла перед дверью, раскинув руки.

– Твое упорство лишь усиливает подозрение! – Кандар отстранил дочь и распахнул дверь.

В спальне никого не было.

– Прошу прощения! – Гельбиш поклонился Марии, поцеловал ей руку и вышел. За ним последовали Маркут и саквалары. Снова затопали по лестнице их тяжелые сапоги.

– Ты слишком близко принимаешь все к сердцу, – ласково проговорил Кандар и погладил Марию по голове. – Фан Гельбиш выполняет свой долг. Я не хотел, чтобы у него оставались подозрения.

Глава одиннадцатая

Легче было проникнуть в дом Марии, чем его покинуть. Ален лежал на крыше за дымоходной трубой и слушал, как Гельбиш отдает распоряжения Маркуту, а тот сакваларам. Заскрипел песок. Негромко переговариваясь, уходили Гельбиш и Маркут. Саквалары остались.

Вернуться обратно к Марии Ален не мог: саквалары следят за домом. Но и оставаться на крыше было опасно. Ален вспомнил, что перед домом, у самого входа, есть небольшой бассейн с золотыми рыбками. Он отломил кусок шифера и бросил его вниз. Послышался плеск, и сразу – топот бегущих сакваларов. Уловка удалась. Теперь оставалось спрыгнуть с крыши на мягкий газон позади дома. Ален поднялся с газона и направился к высокому забору, через который час назад он пробрался в резиденцию.

Саквалары что-то кричали друг другу, по кустам и деревьям забегали лучи фонарей. Ален прижался к забору. В этот момент хлопнула дверь, зашелестел гравий – по-видимому, уходил Кандар. Ален, воспользовавшись этим, вскарабкался на забор и спрыгнул вниз.

В темноте чуть поблескивала вода – широкая канава отделяла внутренний забор от другого, повыше, внешнего. Ален вошел в воду и медленно, бесшумно переплыл канаву. Перебраться через вторую ограду, сложенную из крепостного

камня, не представляло особого труда, но вдоль нее с наружной стороны ходили охранники. Ален знал, что дистанция между ними соблюдается в пределах десяти метров – достаточно, чтобы проскользнуть незамеченным. Он забрался на ограду и лег на широкую каменную кладку. Внизу прошел охранник с висящим на груди фонарем. Навстречу двигался другой фонарь. Когда оба охранника поравнялись, они повернули обратно, и сразу стало темно. Ален спрыгнул, пересек дорожку и залег в траве. Снова стали сближаться охранники, и свет фонаря скользнул по его лицу. Ален приготовился к нападению, но луч не задержался на нем. Снова сомкнулась тьма.

Преодоление редкой рощицы одичавших оливковых деревьев, отделявшей его от шоссе, не потребовало много времени. Шоссе в этот час было пустынно, и Ален направился к дому Йорга, до которого оставалось пройти километров пять.

Несмотря на поздний час, в мастерской Йорга горел свет. Йорг стоял у токарного станка в фартуке, перепачканном краской, и работал. Увидев Алена в мокрой одежде, он остановил станок.

– Откуда ты такой мокрый? – удивился он.

– Дай мне переодеться, – не отвечая на вопрос, сказал Ален.

– Пойдем.

Они прошли в другую комнату, Йорг достал из сундука

холщовую рубаху, штаны и телогрейку.

Они сидели в мастерской, попивая ракуту, и молчали.

Ален думал о Марии. Она попросила у отца три дня. У него есть эти три дня, чтобы помешать ее браку с Мэтом. Но как?

В немногих словах он рассказал Йоргу о встрече с Марией. Йорг слушал внимательно, но Ален почувствовал, что его друг чем-то обеспокоен.

– Ты что такой задумчивый? – спросил Ален. – Что-нибудь случилось?

– Не знаю, должен ли я тебе рассказать... Понимаешь, это не моя тайна... – неуверенно проговорил Йорг.

– Смотри сам.

– Да нет... Кому же еще и рассказать... Видишь ли, какое дело... – начал было Йорг и задумался.

Ален выжидающе молчал.

– Помнишь, ты как-то расспрашивал меня о Вэлле? – спросил Йорг после долгого молчания.

– Да... – насторожился Ален.

– Я тогда не придавал разговорам о Вэлле серьезного значения.

– А теперь?

– Я слышал его голос.

– Ты видел Вэлла?

– Нет. Я только слышал его. Слышал его голос.

– Где? Когда?

– В лесу. У Столового камня. Вэлл – не выдумка стариков, не суеверие. Он существует. И я слышал его не один.

Ален внимательно поглядел на Йорга. На лбу у того выступили капельки пота. Йорг был взволнован, глаза его возбужденно блестели.

– Рассказывай, – нетерпеливо произнес Ален.

Йорг поднялся, подошел к шкафчику, где держал готовые игрушки, достал какую-то фигурку и поставил ее на стол перед Аленом.

Ален увидел небольшую статуэтку из воска, изображавшую дьявола, каким его описывали хорошо знакомые Алену лакунские сказки и предания. Красное лицо с черными заволаживающими глазами, огромный красный рот с выступающими клыками, короткие рожки в иссиня-черных курчавых волосах. Одет в старинный зеленый камзол, расшитый галунами. Глаза Вэлла смотрели на Алена в упор, и ему стало слегка не по себе.

– Твоя работа? – спросил он Йорга.

– Нет, я нашел его в саду. Сегодня утром.

– В саду?

– Да. Его прислали мне.

– Кто?

– Не знаю. Вила говорит, что это предвещает несчастье.

– Вила? Твоя сестра? Она что-то знает об этом?

– Женщины знают о таких вещах больше нас.

Ален повертел фигурку в руках:

– Ты сказал, что слышал его голос...

Йорг опрокинул в рот рюмку ракуты:

– Ты знаешь Лану?

– Внучку Великого Мусорщика? Видел ее во время вчерашней церемонии. Красивая девочка.

Йорг смущенно отвел глаза.

– Очень красивая, – сказал он тихо. – И очень несчастная...

– Внучка Барбука? – удивился Ален.

– Тридцать седьмой параграф...

Ален сочувственно кивнул. Он понял, что внучка Барбука Йоргу не безразлична.

– Так вот... Вчера вечером...

Поначалу сбивчиво, запинаясь, но постепенно все более оживленно Йорг стал рассказывать о том, как, поддавшись необъяснимой тревоге, он последовал за Ланой, о том, что видел и слышал у Столового камня и как вынес потерявшую сознание Лану из лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.